

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	7
ПРОЛОГ ИЗГНАННИК СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ	9
<i>Часть I</i>	17
1 «ЧЕРТОВСКИ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА»	19
2 АМЕРИКАНЦЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ ИБН САУДА	37
3 РЕАЛЬНЫЕ НАКОПЛЕННЫЕ ВЫГОДЫ	59
4 АРАВИЙСКИЙ РАССВЕТ	82
<i>Часть II</i>	101
5 ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИСПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ	103
6 КАК НАВЕСТИ ПОРЯДОК В ДОМЕ	117
7 ВАХХАБИЗМ, ЖЕНЩИНЫ, ЛЮДИ С ЗАПАДА И РИАЛЫ	139
<i>Часть III</i>	165
8 «ХОЗЯЕВА СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ТОВАРА»	167
9 «ВОПРОС НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВООБЩЕ НЕ СТОЯЛ»	186
10 «БАРРЕЛИ НЕФТИ И ГИГАВАТТЫ ЭНЕРГИИ»	205
ЭПИЛОГ ВО ИМЯ СЫНОВЕЙ	229
ОБ ИСТОЧНИКАХ	241
БЛАГОДАРНОСТИ	243
ПРИМЕЧАНИЯ	246

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Нефть — это подарок Бога. Но добыча нефти — дело человека.

*Абдалла Джума,
генеральный директор Saudi Aramco*

В октябре 2017 года состоялся визит короля Саудовской Аравии Салмана в Москву. Тогда СМИ только и обсуждали, что количество забронированных номеров в гостинице Four Seasons, многокилометровые пробки и специальный позолоченный эскалатор, с которым король путешествует по свету. Однако гораздо важнее было бы обратить внимание общественности на значение данного визита, поскольку ни один король Саудовской Аравии до 2017 года не приезжал с официальным визитом в Россию и сближение двух наших государств было невозможно на протяжении долгого времени.

Король Салман прилетел в столицу для обсуждения целого ряда вопросов, имеющих решающее значение для мирового рынка энергоресурсов. В условия налаживания отношений между нашими странами на протяжении двух последних лет мы рады представить вниманию читателя бестселлер Эллен Уолд «Saudi Inc.». Книга, основанная на материалах из государственных и частных архивов, мемуаров, информационных бюллетеней Aramco, отчетов конгресса США и многих других источников, дает уникальную возможность

познакомиться с современной историей Саудовской Аравии и членами королевской семьи.

В некотором смысле книга представляет собой исторический роман, в котором раскрываются взаимоотношения, характеры, судьбы людей, сыгравших немаловажную роль в становлении государства. Сюжет «Saudi Inc.» охватывает значительный период истории с момента основания Саудовской Аравии Абдель-Азизом, захватившим Эр-Рияд в 1902 году, по настоящее время, когда многонациональный семейный бизнес превратил семью аль Сауд в самую богатую династию в мире.

Из книги Эллен Уолд вы узнаете также много интересных подробностей о зарождении и развитии одной из самых прибыльных компаний в мире — Saudi Aramco. А также о том, как саудиты смогли получить полный контроль над этим многомиллионным предприятием путем постепенного перехода компании из рук США в руки короля Саудовской Аравии, что стало возможным благодаря долгосрочной политике королевства и восточной мудрости в ведении деловых переговоров на самых разных уровнях. Более того, выверенная и тщательно спланированная стратегия Саудовской Аравии, направленная на изучение новых технологий и привлечение экспертов из разных отраслей, помогла Агамсо превратиться из компании — поставщика сырой нефти, в диверсифицированную корпорацию, действующую в глобальном масштабе.

С 2017 года семья аль-Сауд и Saudi Aramco готовятся к самому амбициозному шагу — публичному размещению акций и подготовке страны к следующему этапу развития. А вот получится ли у них воплотить задуманное и каковы будут итоги столь значимого IPO, мы узнаем уже совсем скоро.

ПРОЛОГ

Изгнанник становится королем

Абдель-Азиз* проснулся в темноте почти мгновенно. Вокруг него, сбившись в кучки на холодном песке пустыни, спали люди и верблюды. Абдель-Азиз, которому на тот момент было всего 26 лет, вытянул длинные ноги и бесшумно сел. Его рука автоматически схватила лежавший рядом мушкет. Абдель-Азиз начал очередной день своей жизни точно так же, как и предыдущий.

Вместе со своими людьми он немного подкрепился перед рассветом, после чего пришло время молиться. Группа вела себя как единый организм и слаженно вторила молитвам лидера. Бойцы немного отдохнули в тени наспех поставленных палаток и принялись чистить и натирать оружие. Затем они устроили соревнование: кто больше знает стихов из Корана на память, — и Абдель-Азиз выступал в этом состязании суровым судьей.

В течение 20 дней месяца Рамадан Абдель-Азиз ибн Сауд в сопровождении 200 человек — двоюродных братьев, соплеменников и дружественных бедуинов — жил под открытым небом в далеком уголке аравийской пустыни. Бойцы ждали, когда предводитель примет решение об атаке на город Эр-Рияд. Проведя в лагере почти три недели, бедуины начали проявлять нетерпение. Они стали задирать друг друга и ожесточенно биться на мечах после трапезы *ифтар*, вечернего приема пищи во время поста. Абдель-Азиз опасался, что скоро уже не сможет сдерживать их буйный нрав.

---

* В отечественной историографии принято написание Абд аль-Азиз (Абд аль-Азиз ибн-Сауд); в художественной литературе и СМИ встречается также Абдул-Азиз. — Прим. ред.

В 1902 году Эр-Рияд был довольно-таки неприметным городком. Расположенный в самом сердце аравийского региона Неджд на плато высотой 900 метров над уровнем моря, он в силу своей географической изолированности вряд ли мог считаться центром власти. Путешествие на верблюде в Мекку из этого пустынного места Аравийского полуострова занимало больше недели. В Эр-Рияде было мало воды; через него не пролегали важные торговые пути, которые могли бы приносить городу богатство. В то время Мекка считалась центром исламского мира, а Стамбул являлся политическим центром Ближнего Востока, но Эр-Рияд был родиной Абдель-Азиза.

Племя *аль-Рашид* отбило город у предков Абдель-Азиза и его племени *аль-Сауд*. Отец Абдель-Азиза много раз пытался вернуть себе контроль над Эр-Риядом, но безуспешно. Наконец зимой 1901–1902 года молодой Абдель-Азиз увидел новую возможность. К нему с готовностью примкнули местные бедуинские племена, недовольные правлением Рашидидов. Они считали дни до того времени, когда смогут отправиться в поход на Эр-Рияд, однако их лидер знал по прежним попыткам, что губернатор Рашидидов тщательно охраняет город. Победе мог помочь лишь детально разработанный план, поэтому Абдель-Азиз собрал припасы и двинулся со своими беспокойными союзниками в пустыню, чтобы провести Рамадан подальше от глаз вражеских сторонников, которые могли бы предупредить губернатора о приближении Саудитов. Абдель-Азиз отправил своего двоюродного брата в город на разведку и терпеливо ждал его возвращения.

В 20-й день месяца шпион Абдель-Азиза вернулся со сведениями о городе, его укреплениях и режиме дня губернатора. После того как солнце опустилось за дюны, Абдель-Азиз и его люди совершили традиционную молитву и разговелись. Он приказал бойцам собрать оружие и седлать верблюдов. Время пришло.

С мушкетом джезайл за плечами Абдель-Азиз ехал впереди. На нем был традиционный белый *тоб* и *шемаг*, прикрывавший глаза от песчаного ветра. Вереница одинаково одетых вооруженных мужчин следовала за ним по пустыне Неджд. Они быстро миновали небольшие поселения и оазисы, оставившись лишь для того, чтобы освежиться и дать отдохнуть верблюдам. Когда группа добралась до финиковых рощ, окружавших пригороды Эр-Рияда, Абдель-Азиз приказал спешиться и оставить верблюдов в оазисе с многочисленным караулом. Все остальные воины двинулись к глиняной стене, защищавшей город. Оказавшись в саду около стен, он приказал шестерым бойцам тихо срубить высокую финиковую пальму и прислонить ее к стене на манер лестницы. Абдель-Азиз и заранее отобранная им группа из 40 человек приготовились преодолеть стену и проникнуть в город. Все другие остались под командованием его брата Мухаммада.

«Если к завтрашнему полудню, — сказал Абдель-Азиз, — от меня не придет известий, уходите в Кувейт и скажите моему отцу, что я погиб или попал в плен к Рашидидам». Он завершил свой монолог молитвой: «Нет силы и мощи ни у кого, кроме Аллаха Возвышенного». Под покровом холодной, темной и безлунной ночи Абдель-Азиз и его спутники вскарабкались по стволу дерева и тихо спустились со стены на другой стороне. По дороге к дому губернатора они остановились в хижине пастуха и бывшего слуги семьи *аль-Сауд* по имени Джувайсир. Когда Абдель-Азиз постучал в дверь, хозяин тут же узнал его и пригласил воинов внутрь. Джувайсир позволил Абдель-Азизу и его людям забраться на плоскую крышу своего жилища, с которой те перепрыгнули на крышу дома губернатора. Затем они смогли попасть внутрь здания через окна, после чего заперли в одной из комнат жену губернатора и ее сестру. Как сообщал лазутчик Абдель-Азиза, губернатор настолько сильно боялся за свою безопасность, что проводил ночи со своими телохранителями в расположенной неподалеку крепости. Он возвращался домой каждое утро после рассвета.

Абдель-Азиз и его люди решили дожидаться его до утра, читая Коран и попивая крепкий кофе. Тем временем Абдель-Азиз отправил одного воина за Мухаммадом и другими, кто оставался за городскими стенами. Он поставил стражей у окон смотреть, не появился ли губернатор. Перед рассветом Абдель-Азиз вместе с воинами прочитал молитву. По данным разведчиков, губернатор-Рашидид по имени Аджлан должен был совсем скоро вернуться в свою резиденцию.

И действительно, сразу после рассвета Саудиты и их люди услышали шум приближавшейся кавалькады. Это был губернатор со своими телохранителями. Бойцы напряглись в ожидании битвы. Они услышали, как с лязгом открылся замок из кованого железа и медленно начали распахиваться огромные деревянные двери. Бойцы ждали сигнала Абдель-Азиза и смотрели, как Аджлан заходит в тускло освещенный двор. Внезапно сам Абдель-Азиз выскочил из окна и побежал по двору. За ним поднялись клубы пыли, почти не позволявшие его людям видеть, что происходит.

Аджлан был настолько шокирован внезапной атакой, что сумел вытащить меч только тогда, когда Абдель-Азиз оказался совсем рядом. Он узнал сына своего саудовского врага. Бойцы увидели, как блеснул меч Аджлана, и слышали, как металл ударился о дуло винтовки Абдель-Азиза. Вскоре оба мужчины оказались на земле. Люди Абдель-Азиза начали стрелять в телохранителей губернатора, чтобы удержать их на расстоянии, однако шум разбудил солдат из гарнизона, и те быстро присоединились к схватке.

Аджлан сумел вырваться и побежал к деревянным воротам в поисках спасения. Тщательно прицелившись, Абдель-Азиз выстрелил губернатору

в руку. Меч Аджлана упал на землю, а Абдель-Азиз побежал к губернатору. Он схватил противника за ноги, однако тот сильно ударил нападавшего в пах. Освободившись, губернатор выскочил в открытые ворота, но когда его солдаты попытались захлопнуть за ним ворота, саудовцы бросились на массивные двери и держали их открытыми до тех пор, пока Абдель-Азиз не пришел в себя и не устремился в погоню.

Аджлан помчался мимо стен и площади в сторону мечети. Абдель-Азиз и его двоюродный брат Абдалла ибн Джилуви обнажили мечи и устремились за ним. У губернатора не было никаких шансов убежать от двух молодых людей в отличной физической форме. Ибн Джилуви дотянулся до него первым и ударил губернатора мечом на ступенях мечети. Тот умер мгновенно. Абдель-Азиз и его двоюродный брат побежали обратно на звуки еще не закончившейся битвы. Вместе со своими людьми они вынудили врагов признать поражение.

Чуть позже тем же утром жители Эр-Рияда узнали новость о том, что их губернатор умер и его войска сдались молодому Абдель-Азизу ибн Сауду. Горожане возрадовались победоносному возвращению Саудитов и помогли им схватить оставшихся в городе Рашидидов. К концу дня Абдель-Азиз стоял на стене, окружавшей Эр-Рияд, и благодарил Аллаха за победу. Он больше не был бездомным изгнанником, жившим в Кувейте в качестве гостя эмира. Теперь он правитель небольшого городка, защищенного глиняными стенами. Абдель-Азиз смотрел, как солнце садится в пустыню, а затем обратил свой взгляд на запад, в сторону Мекки, от которой его отделяло много миль и много побед¹.

В первые дни XX столетия триумф Абдель-Азиза в Эр-Рияде мало что значил для западного мира. Когда британцы пытались в 1917 году найти на Аравийском полуострове арабского союзника, который мог бы помочь инициировать исламское восстание против Османской империи в годы Первой мировой войны, Абдель-Азиз ибн Сауд оставался всего лишь региональным царьком. Победа в Эр-Рияде положила начало его успеху, вскоре Абдель-Азиз сумел взять под контроль весь регион Неджд Аравийского полуострова. За 15 лет он превратился из безземельного молодого человека в уважаемого предводителя племени, хотя и в пустынном и отдаленном регионе. Британцы недолго считали, что Абдель-Азиз сможет склонить арабский мир на их сторону, однако несмотря на его внушительные боевые силы и лояльность подчинившихся

ему племен, Великобритания предпочла иметь дело с хорошо знакомым ей шарифом Мекки Хусейном².

Мекка была религиозным центром исламского мира, а кроме того, она протянулась вдоль берега Красного моря, доступного и важного для торговли. Правитель Эр-Рияда, города, в значительной степени изолированного от всего остального арабского мира, представлялся британцам фигурой, чье влияние или военный потенциал не так уж и существенны. Для британцев, действовавших в регионе под руководством Т.Э. Лоуренса, было вполне разумным вступить в союз с шарифом Хусейном. Они пообещали шарифу власть и землю после завершения войны в обмен на военную поддержку. Его сыновья помогли освободить Левант от османов в 1917 году и получили за это трон в новых государствах — Иордании и Ираке. Тем не менее Абдель-Азиз увидел, что этот упущенный шанс может принести ему еще больше пользы.

Абдель-Азиз ибн Сауд нанес удар, пока сыновья шарифа Хусейна со своими войсками сражались вместе с британскими войсками. Он вывел своих солдат из Эр-Рияда и Неджда, после чего принялся атаковать области Аравийского полуострова, находившиеся в зоне влияния шарифа Хусейна. К 1925 году Абдель-Азизу ибн Сауду удалось захватить Мекку. К 1928-му он уже контролировал большую часть Аравийского полуострова. В 1932 году бывший изгнанник, когда-то живший в Кувейте, провозгласил себя королем страны, названной в честь его семьи Саудовской Аравией. Начиная с первой битвы за крепость Эр-Рияда Абдель-Азизу потребовалось 30 лет почти непрерывных войн, чтобы установить и укрепить свою власть.

Хотя король правил территорией, превосходившей по размеру Аляску, в 1932 году столица Абдель-Азиза Эр-Рияд выглядела почти так же, как и за 100 лет до этого. Город, в отличие от Мекки и Медины, не играл важной религиозной роли и в противоположность порту Джидда не имел торгового значения. Он был всего лишь родиной Саудитов и местом, долго находившимся во вражеских руках, которое Абдель-Азиз вернул под контроль своей семьи. В 1932 году главная улица Эр-Рияда представляла собой пыльную дорогу со стоявшей на ней виселицей. К началу XXI столетия площадь Дира все еще остается местом казней, однако теперь она обсажена рядами ухоженных пальм и замощена белыми, красными и серыми камнями, образующими сложный орнамент. Здесь появилось много скамеек, расставленных так, чтобы прохожие могли отдохнуть в тени.

В 1902 году, когда Абдель-Азиз захватил Эр-Рияд, город занимал лишь один квадратный километр, а через 100 лет — уже 1300. На момент, когда Абдель-Азиз объединил свое королевство в 1932 году, численность населения Эр-Рияда составляла менее 40 000 жителей. К началу XXI столетия она выросла до шести миллионов. Эр-Рияд превратился в шумный современный

город с ужасающим трафиком, отличными торговыми центрами и районами для людей различного социального положения. В 1932 году человек, правивший Саудовской Аравией из Эр-Рияда, вряд ли имел в собственности хотя бы один риал, однако сыновья Абдель-Азиза, ставшие правителями Аравии после него, уже могли наслаждаться невероятным богатством и владели самой прибыльной компанией в мире — Saudi Aramco.

В 1933-м, через год после того как Абдель-Азиз объединил страну, американские нефтяники, подозревавшие, что в песках только что образованной Саудовской Аравии можно найти нефть, решили обсудить с королем возможности для партнерства. Обнаружив черное золото на расположенном неподалеку острове Бахрейн, они торопились начать поиски следов нефти в саудовских пустынях. После нескольких месяцев обсуждения король подписал концессионное соглашение с американской компанией, позднее получившей название Агамсо. Нефтяникам повезло, и они нашли нефть пятью годами позже. Через два десятилетия после этого Саудовская Аравия смогла выдвинуть новые условия, которые принесли ей еще больше прибыли. Затем, еще через два десятилетия, Саудовская Аравия произвела ряд маневров, позволивших ей получить бóльший контроль над своими нефтяными активами. В конце концов сын Абдель-Азиза выкупил компанию у прежних американских владельцев, и Саудовская Аравия превратила ее в диверсифицированного глобального игрока на энергетическом рынке.

В ходе этого процесса менялась и сама Саудовская Аравия. Ее население, в основном неграмотное и жившее в деревнях, стало урбанизированным и образованным. Когда-то войны шли здесь между бойцами, вооруженными мушкетами и передвигавшимися на верблюдах. Теперь же саудовцы купили истребители F-15 и создали сильную национальную армию. Радио, телевидение, мобильные телефоны и интернет стали доступными даже в самых удаленных пустынных регионах страны. Саудовское правительство и общество столкнулись с воздействием всех этих перемен на свою патриархальную, монархическую и консервативную культуру.

Все это время королевская семья управляла Саудовской Аравией и делами в Агамсо как семейным бизнесом, обеспечивавшим и долгосрочную прибыль, и власть. Правительство и Агамсо стимулировали развитие класса бизнесменов — мужчин и женщин, имевших опыт и образование в своих профессиональных областях и способных руководить различными

направлениями глобальной деятельности энергетической компании. Саудовские власти и возглавившие Агамсо технократы неуклонно следовали разработанной ими стратегической концепции, призванной помочь благополучию и стабильности бизнеса, а значит, и самого королевства.

Агамсо начинала работу как американская корпорация, занимавшаяся бурением в поисках сырой нефти в Саудовской Аравии. Но в течение жизни одного поколения американцы и саудовцы превратили ее в глобальный энергетический конгломерат. Корпорация покупала доли в нефтеперерабатывающих предприятиях по всему миру, создавала передовые технологические и исследовательские центры, строила гигантские нефтехимические заводы и управляла танкерами и трубопроводами. Саудовская Аравия стала лидером самого влиятельного картеля в мире. И это путешествие началось, когда высокий и сильный человек вместе с двоюродными братьями захватил глиняную крепость у врагов своей семьи. Через одно поколение Саудовская Аравия стала весомой силой на международном энергетическом рынке.

Несмотря на успех Саудовской Аравии и Агамсо, неверные представления о королевстве и его энергетическом бизнесе сохранялись. В 1924 году, пока Абдель-Азиз сражался в пустыне, Саудовская Аравия являла собой загадку для всего остального мира. Газета *Boston Daily Globe* назвала противостояние Абдель-Азиза и шарифа Хусейна «таинственной войной»³. Аналогичные выражения использовались в западной прессе для описания культуры и общества Саудовской Аравии на протяжении всего XX столетия. Даже в 2015 году некоторые западные публикации рассказывали о «таинственном саудовском принце, который вел войну в Йемене»⁴. В результате сложилось ошибочное восприятие Саудовской Аравии, ее энергетического бизнеса, целей и намерений. Известный эксперт по вопросам глобальной политики писал в 2015 году, что «Саудовская Аравия может выкапывать дыры в земле и выкачивать из них нефть, но не более того»⁵. Он заблуждался, поскольку ничего не знал о прогрессе саудовцев в областях, связанных с добычей газа, солнечной энергией, технологиями опреснения морской воды, созданием пластиков и смазочных материалов, преодолением последствий экологических катастроф, а также с маркетингом на нефтяном рынке. В 2016 году журнал *The Economist* назвал саудовскую компанию Агамсо «одной из самых засекреченных нефтяных компаний в мире»⁶. Понятно, что как частная компания, принадлежащая одному человеку (королю Саудовской Аравии), Агамсо держит свою информацию в секрете. Но это не значит, что все в Агамсо — тайна; из истории компании можно многое понять о ее мотивации, намерениях и целях.

В начале 1950-х, когда Агамсо еще принадлежала четырем американским нефтяным компаниям, связь Саудовской Аравии и Агамсо — точнее,

Саудовской Аравии и ее нефти — недвусмысленно определил один из американских послов в Саудовской Аравии. Незадолго до своего отъезда в другую страну в рамках ротации он разговаривал с министром финансов Саудовской Аравии, с которым у него установились доверительные отношения. «Сильная Агамсо, — сказал этот дипломат своему арабскому другу, — означает сильную Саудовскую Аравию»⁷. То, что реализация этой идеи с самого начала — со времен, когда Абдель-Азиз правил пыльными улицами Эр-Рияда, — рассматривалась как вклад в будущее новых поколений, — настоящее достижение Саудовской Аравии. В конце концов, как объяснял в 2008 году Абдалла Джума, генеральный директор Saudi Aramco, «нефть — это подарок Бога». Он сделал паузу, а затем продолжил: «Но добыча нефти — дело человека»⁸.

Комментарий для читателя: книга рассказывает об истории и Саудовской Аравии, и компании Aramco. Заканчивается этот рассказ на одном конкретном моменте — начале правления короля Салмана в январе 2015 года — и не касается непосредственно последних планов Саудовской Аравии и Aramco, таких как социальная либерализация, работа по программе Vision2030 или первичное размещение акций Aramco на бирже. И хотя речь идет об истории, прошлые планы, стратегии и цели позволяют создавать возможности для настоящего и будущего. Повествование о планах и судьбах следующего поколения саудовцев еще впереди.

ЧАСТЬ

I

1

«Чертовски трудные времена»

Шейх Абдалла Сулейман, которого часто называют просто шейхом Абдаллой, сильно выделялся среди чиновников саудовского королевского двора. Он не принадлежал к династии *аль-Сауд* и не был одним из тех арабов левантского или иракского происхождения, которые прибыли в Аравию, чтобы предложить свои услуги королю Абдель-Азизу в обмен на власть, богатство и широкие возможности¹. Сулейман, родившийся в конце 1880-х, происходил из старой купеческой семьи уроженцев области Неджд. Он вырос в городке Унайза, расположенном в центре Саудовской Аравии к северо-западу от Эр-Рияда. Его семья была бедной, и в молодости Сулейман покинул Аравию в поисках счастья, начав свой путь с Бомбея. Потерпев неудачу в делах в Бахрейне, он вернулся в свой дом в восточном пустынном регионе Аравии — вместо богатства он приобрел лишь знания в области счетоводства и международной торговли. В 1919 году Абдалла Сулейман начал работать при королевском дворе помощником своего дяди, финансового чиновника. С учетом прежних неудач Сулейман считал, что ему очень повезло. Когда через несколько лет дядя умер, Абдалла Сулейман принял его обязанности на себя. Вскоре королю Абдель-Азизу стало ясно, что финансовые знания Сулеймана намного обширнее, чем у любого представителя королевской семьи, и он предложил ему серьезную должность министра финансов.

Один британский писатель как-то описал Сулеймана как «хрупкого невысокого человека “неопределенного” возраста, но с вдохновенной, как у пророков, душой»². Когда американцы из компании Standard Oil of California впервые прибыли в Саудовскую Аравию в 1932 году, Сулейман все еще

оставался «гибким и тощим». Один из первых геологов, приехавших в страну в 1930-е годы для изысканий, говорил о министре финансов как о «ярком, умном и воодушевленном человеке, полном энергии и идей»³. Первый американский посол в стране рассказывал, что «у министра финансов было четыре жены, которые жили в своих примыкавших друг к другу домах, и он посещал каждый из этих домов по ночам в четком порядке»⁴. При этом американцы отмечали, что у Сулеймана имелась темная сторона: он злоупотреблял алкоголем. Хотя исламский закон и запрещает пить виски, любимый напиток Абдаллы Сулеймана, он часто не мог отказаться себе в этом. По словам современников, у него были и периоды трезвости, обычно совпадавшие с месяцем Рамадан. Американцы отмечали, что тогда он становился приятным и уравновешенным. Несмотря на этот грех, а может быть, и из-за него Сулейман часто демонстрировал при общении с иностранцами свою религиозность. Например, если в ходе встреч с руководителями нефтяных компаний наступало время одной из пяти дневных молитв, Сулейман останавливал обсуждение, отходил в угол комнаты, поворачивался лицом в сторону Мекки и начинал поклоны на молитвенном коврике⁵.

Титул «шейх» — это лишь уважительное обращение, которое арабы уже много столетий используют в отношении влиятельных людей. Сулейман как министр финансов полностью контролировал всю королевскую казну. Говорили, что «у него имелась своя собственная система учета, в которой больше никто не разбирался»⁶. Экономика Аравии в первые десятилетия XX века была такова, что казна короля — в виде золотых монет, денег и драгоценных металлов — хранилась в сундуках, которые Сулейман, по слухам, держал в собственном доме. В эти скудные годы обязанности Абдаллы Сулеймана как министра финансов в основном ограничивались тем, что он вытрясал налоги из подданных Абдель-Азиза и собирал пошлину с паломников во время хаджа. Получив деньги, Сулейман должен был распределить их так, чтобы средств хватило на множество целей. Деньги не только шли на нужды королевской семьи, но и раздавались подданным короля с учетом политических соображений — например, чтобы сохранить лояльность кочевых и оседлых племен. От способности аравийского короля удовлетворять финансовые потребности своих подданных напрямую зависело то, насколько те будут ему преданы⁷.

Сулейман стал выдающимся деятелем, которому удалось проложить мост между первыми скудными годами существования Саудовской Аравии и периодом богатства, обретенного благодаря найденным в стране запасам нефти. В среде американцев, живущих в Саудовской Аравии, приключения молодого Сулеймана, как подлинные, так и вымышленные, стали частью фольклора. Тим Барджер, сын одного из первых геологов, приехавших в Саудовскую Аравию, вспоминает рассказ своего отца, который познакомился

с Сулейманом во время поисков нефти в Аравийской пустыне в 1930-е годы. По словам Тима, перед тем как Абдель-Азиз объединил свое королевство, арабийцы «занимались грабежами и участвовали в самых разнообразных стычках... Набеги были для них сродни хобби».

И в разгар всех этих событий Сулейман «постоянно перемещался с сундуком, в котором были все деньги королевства». Тим Барджер вспоминает: «Ход событий мог кардинально измениться в любой момент. Порой Сулейману приходилось подхватывать сундук и убегать. А в сундуке хранилась вся королевская казна». В то время сундук Сулеймана «был наполнен талерами Марии-Терезии, золотыми рупиями, соверенами и бог знает какой еще валютой». Как объясняет Барджер, «король выдавал людям письменное предписание, а затем эти люди шли к Абдалле Сулейману. Тот менял ордер на пригоршню рупий или другой валюты, а затем складывал документы в сундук. Все было очень просто». Подобный простой обмен оставался основой отношений между саудовским правителем и его подданными, причем даже после того как в стране сформировалась новое, современное бюрократическое государство. Подданный мог появиться в одном из королевских *меджлисов* (открытых собраний) и попросить денег — например, на покупку нового грузовика или на учебу ребенка за границей. Чаще всего король соглашался помочь и посылал просящего к министру финансов. Последний в зависимости от состояния казны либо удовлетворял просьбу, либо отправлял просителя в бюрократический лабиринт, достаточно длинный для того, чтобы челобитчик сдавался и уходил восвояси.

В 1920-е и начале 1930-х годов, пока Абдель-Азиз все еще занимался объединением Аравии, «в случаях если [у Абдаллы Сулеймана] не оставалось денег, тот просто исчезал вместе с сундуком. Король мог, как и всегда, выдавать ордера, однако никто не мог найти сундук, из которого можно было бы взять деньги». Наблюдатели часто задавались вопросом, «почему король настолько лоялен» к своему пронырливому министру финансов. «Они составляли отличную пару, — объяснял Тим Барджер. — И Сулейман обладал видением. Он был чем-то большим, чем простой бухгалтер. По сути, он был самым высокопоставленным человеком в стране из тех, кто не принадлежал к королевской семье»⁸.

Впоследствии Сулейман стал отвечать почти за все финансовые взаимоотношения с иностранцами в Саудовской Аравии. Он сыграл особо важную роль в обсуждении условий первых концессий с американскими нефтяниками в 1930-е годы. Вне всякого сомнения, он был проницательным финансовым менеджером, который постепенно обрел огромную власть в королевстве, несмотря на свою сублильную внешность и мягкий голос. Шейх Абдалла мастерски вел переговоры по отдельным позициям. Он лично руководил

переговорным процессом, связанным с первой нефтяной концессией, и даже сам подписал все соглашения под присмотром короля Абдель-Азиза. Через несколько десятилетий, в 1950 году, он пересмотрел условия концессии и смог добиться того, что не удавалось никакой другой ближневосточной стране, — равной доли в прибыли от добычи. Но вынужденная прижимистость в скудные первые годы правления Абдель-Азиза оставила на министре финансов свою отметку. Американским нефтяникам и дипломатам, тесно работавшим с шейхом Абдаллой, он казался сосредоточенным исключительно на том, что происходит здесь и сейчас. Американцы ошибочно верили, что его заботит только денежный поток, а не стратегическое видение. Даже после того как король Абдель-Азиз умер, а его сын сместил Сулеймана с должности министра финансов, пронизательная переговорная тактика и внимание к деталям, привнесенные шейхом Абдаллой в работу министерства финансов, еще много лет формировали основы молодого саудовского государства.

В 1933 году газета *New York Times* посвятила всего несколько абзацев на первой полосе новостям о нефтяной концессии, предоставленной «в арабском Королевстве Саудовская Аравия компании Standard Oil Company of California королем ибн Саудом». В статье говорилось, что «американцы получили в Аравии нефтяную концессию, которая может привести к преобразованию пустыни», и что «еще один уголок мира открылся для американских коммерческих интересов... Вскоре ожидается начало геологоразведочных работ. Считается, что обнаружение нефти в регионе приведет к качественному изменению во всей Аравии и превращению пустыни в промышленно развитую страну»⁹.

Компания Standard Oil of California (сокращенно Socal, позднее переименованная в Chevron) начала большую игру с Саудовской Аравией¹⁰. Результаты прежних поисков возможных нефтяных месторождений на Аравийском полуострове не оправдали ожиданий, однако не были полностью отрицательными. Несмотря на все экономические проблемы в годы Великой депрессии, Socal решила взять на себя риск и сделать ставку на ближневосточную нефть.

Когда компания Standard Oil of California только появилась на Ближнем Востоке, она вела себя довольно авантюрно. В начале 1900-х британцы смогли закрепиться в регионе в качестве серьезного игрока после того, как они первыми обнаружили запасы нефти в Иране. Нефть, которую поставляла в Британскую империю компания Anglo-Iranian Oil Company (АИОС, впоследствии BP), считалась настолько важной, что британское правительство приобрело

большую часть акций этой компании. После Первой мировой войны компании АИОС, Royal-Dutch Shell (принадлежавшая британцам и голландцам), CFP (французская нефтяная компания) и несколько американских предприятий начали обсуждать концессии на разведку и добычу иракской нефти. Socal не входила в их число. Однако в 1928 году именно Socal приобрела концессию на еще не доказанные нефтяные запасы Персидского залива на Бахрейне, крошечном острове у восточного побережья Саудовской Аравии.

В 1930-м Socal направила для осмотра острова геолога Фреда Дэвиса. Дэвис был уроженцем Миннесоты. Он изучал горную технику в Миннесотском университете, а во время Первой мировой войны служил в химических войсках США. Перед тем как присоединиться к Socal в 1922 году, он проработал в нескольких небольших нефтяных компаниях¹¹. После того как Дэвис исследовал американские Скалистые горы в поисках нефти, Socal отправила его на Ближний Восток. На Бахрейне Дэвис сделал открытие, определившее его дальнейшую карьеру. Он предпочел провести бурение в самой высокой точке острова — на овальном холме, который арабы называют *Джабаль-ад-Духан*, или Дымящаяся гора. Он смог натолкнуться на нефть с первой же попытки¹², и Socal официально занялась нефтяным бизнесом на Ближнем Востоке.

Оказалось, что запасы нефти на Бахрейне не особенно велики, однако после первого успеха Socal захотела большего. Во время пребывания на Ближнем Востоке Дэвис решил посетить другие возможные месторождения в Ираке и Иране, чтобы изучить их геологические строения. Он верил интуиции и был готов упорно искать любые признаки коммерческого успеха. В 1932 году он вернулся на Бахрейн и оказался на том же холме, который двумя годами ранее принес ему славу в компании. Дэвис был высоким и худым человеком, потому без труда поднимался на холм высотой более 130 метров всякий раз, когда приезжал на предприятие Socal на Бахрейне.

Как рассказывает корпоративная легенда, Дэвис смотрел поверх глубоких сине-зеленых вод Персидского залива на пестрый пустынный ландшафт Аравийского полуострова. Однажды он обратил внимание на то, что видел всегда, — на холм такой же куполообразной формы в стране, совсем недавно объявившей себя Королевством Саудовская Аравия. К тому дню Дэвис уже был убежден в том, что под куполообразными горами, лежащими через пролив в 50 километрах от него, тоже можно найти запасы нефти. Он безуспешно пытался получить разрешение на въезд в Аравию и самостоятельное исследование горных массивов. Ему пришлось вернуться в США, где он устроился на работу в одно из подразделений Socal в Техасе¹³.

Однако первые отчеты Дэвиса о том, что он увидел с Бахрейна через залив, вызвали у Socal немалый интерес к Саудовской Аравии. Британцы, которые благодаря своей масштабной деятельности в Иране занимали в то время

ведущие позиции в нефтяном бизнесе на Ближнем Востоке, не придали значения тому, что *Socal* обращает внимание на Саудовскую Аравию. Поиски нефти в этой стране шли уже давно. Новозеландец майор Фрэнк Холмс производил разведку в том же регионе и даже составил его карту, и со временем это заинтересовало *Socal*. Некоторые историки полагают, что *Socal* вдохновили исследования и открытия Холмса, однако он не особо продвинулся в своей работе, которую во многом выполнял для *Anglo-Iranian Oil Company*¹⁴. Еще один американский геолог, Карл Туитчелл, был по просьбе Абдель-Азиза отправлен богатым американским промышленником на поиски минералов и других природных ресурсов, однако и его усилия не привели к заключению соглашения о нефтяной концессии.

Как только саудовцы узнали об интересе со стороны *Socal*, британский советник и друг Абдель-Азиза призвал *Iraq Petroleum Company*, консорциум с участием британского производителя АИОС, вступить в схватку с американцами за максимально выгодное предложение. Но, по всей видимости, интересы *Iraq Petroleum* в Саудовской Аравии сводились к тому, чтобы не позволить американцам закрепиться в регионе¹⁵. *Socal* никогда не сталкивалась с серьезной конкуренцией за ресурсы в Саудовской Аравии. Руководители *Socal* в Сан-Франциско быстро отправили своих представителей связаться с загадочными саудовцами. Британец Гарри Сент-Джон Бриджер Филби выступил в качестве посредника и переводчика. Так король Абдель-Азиз и шейх Абдалла Сулейман оказались за столом переговоров с представителями *Socal* и принялись обсуждать детали.

Саудовское королевство отчаянно нуждалось в деньгах. В глубине души Абдель-Азиз никогда не верил в то, что американцы смогут найти нефть под его землей, однако он был готов дать им попробовать — за определенную плату. Король Абдель-Азиз ничего не знал об Америке, а американцы ничего не знали об Аравии. В то время у Государственного департамента США даже не было дипломатического представителя в Джидде, единственном городе в Саудовской Аравии, где было разрешено жить иностранцам. Для уточнения деталей концессии потребовалось несколько месяцев переговоров между Абдаллой Сулейманом и командой *Socal*. Наконец 9 мая 1933 года министр финансов представил на одобрение королю окончательную версию контракта.

Саудовцы могли получить 35 000 фунтов стерлингов сразу же плюс 20 000 через 18 месяцев. Помимо этого *Socal* должна была платить Саудовской Аравии 5000 фунтов в год в виде ренты, еще 50 000 — если компании удастся найти нефть, и еще 50 000 фунтов через год, а также роялти от любой продажи нефти¹⁶. С точки зрения короля и министра финансов, Саудовская Аравия могла получить 55 000 фунтов практически ни за что. Король едва верил, что *Socal* сможет обнаружить нефть. При первой встрече с инженерами

и геологами, прибывшими, чтобы изучить концессионный регион, он попросил сообщить ему, если будут найдены подземные водоемы — они могут принести пользу его народу.

В те дни в архаичном малолюдном регионе, в значительной степени лишенном воды, электричества и других удобств, бурение каждой нефтяной скважины требовало много времени, рабочей силы и оборудования. Процесс осложнялся тем, что все оборудование и каждого работавшего с ним сотрудника нужно было как-то привезти на восточное побережье Саудовской Аравии из США. Арабы и американские нефтяники, приезжавшие в пустыню с самыми передовыми технологиями, словно представляли два противоположных мира. Филби, уроженец Британии, отмечал тогда, что, по мнению арабов, американские геологи и инженеры «спускались с небес на своих волшебных коврах со странными устройствами для прощупывания недр Земли в поисках жидкой гадости, которую жаждет мир для того, чтобы его ненасытные машины не переставали работать»¹⁷.

Подробности того, как саудовцы воспринимали первые контакты Абдель-Азиза с американскими нефтяниками, дошли до нас благодаря Филби, поскольку он был одним из немногих приближенных к королю людей, кто вел хронику событий. Британский офицер Гарри Сент-Джон Бриджер Филби, родившийся в 1885 году, работал в министерстве иностранных дел. Он изучал восточные языки в Кембриджском университете и, проживая в Лахоре (нынешний Пакистан), свободно овладел урду, персидским и арабским. В возрасте 32 лет он стал главой финансовой службы в Багдаде. Вскоре после этого, в 1917 году, британское правительство отправило его в центральную Аравию для сбора информации о влиятельном племенном лидере — Абдель-Азизе ибн Сауде. Британцы были втянуты в Великую войну и искали способ ударить по Османской империи, своему врагу на Ближнем Востоке. Работа Филби состояла в том, чтобы выяснить, сможет ли Абдель-Азиз возглавить арабское восстание против османов.

Как минимум именно так Филби видел свое задание в Эр-Рияде. На самом деле британцы уже приняли решение поддержать основного противника Абдель-Азиза на Аравийском полуострове, шарифа Мекки Хусейна. Т.Э. Лоуренс (позднее он стал известен под именем Лоуренса Аравийского) к тому времени уже убедил британское правительство в том, что поддержки заслуживает именно шариф Хусейн. В каком-то смысле Филби и Лоуренс жили параллельной жизнью на противоположных концах Аравийского полуострова. Оба они отличались высоким ростом и осанистостью, хотя Филби был полноватым, а Лоуренс худым. Оба много писали о своей жизни и общении с арабами, но если Лоуренс создавал достаточно вольные повествования о любви, войне и предательстве, Филби кропотливо вел точные записи

о своих приключениях и беседах. На основе книги Лоуренса затем был снят очень популярный фильм, тогда как один рецензент назвал работы Филби «набором самых скучных книг, которые только были написаны об Аравии».

Во время пребывания в Эр-Рияде Филби оказался настолько очарован Абдель-Азизом, что, несмотря на решение Британии поддержать противника Саудитов, решил не возвращаться на родину. Вместо этого он пустился в путешествие на верблюде по всему Аравийскому полуострову. Очевидно, его целью было доказать начальству, что именно Абдель-Азиз, а не Хусейн контролирует территорию, однако этот подвиг не впечатлил никого, кроме Королевского географического общества, которое позже вручило Филби золотую медаль¹⁸. Жизнь показала, что Филби был прав и британцы совершили ошибку, поддержав Хусейна. Вскоре после окончания Первой мировой войны (во время которой британцам удалось освободить от османов Ирак и Левант) Абдель-Азиз атаковал Хусейна в Мекке и одержал над ним убедительную победу. Оказалось, что Филби правильно оценил силы и влияние Абдель-Азиза, однако это никак не помогло его дальнейшей карьере в министерстве иностранных дел.

В 1920-е годы Филби занимал различные должности в администрации в Ираке и Палестине, находившихся под британским мандатом, однако в 1924-м он уволился из министерства, якобы из-за своего несогласия с британской политикой в отношении иммиграции евреев в Палестину. В действительности его заставили уйти, поскольку вскрылось, что в течение многих лет он состоял в переписке с Абдель-Азизом и, в частности, делился с саудовцами конфиденциальной информацией — то есть, строго говоря, занимался шпионажем. Он перебрался в Джидду и начал работать на одну торговую компанию. Одновременно он исследовал Аравийский полуостров и писал книги о своих путешествиях.

Отношения Филби с Абдель-Азизом стали еще лучше после того, как последний победил Хусейна и объявил себя королем Саудовской Аравии. В какой-то момент Филби принял ислам и взял себе арабское имя Абдалла, хотя он никогда не был религиозен. Филби понимал, что, не обратившись в мусульманство, он никогда не будет считаться своим в ближнем круге короля. Много лет назад он перенял привычки арабов и часто переодевался в их одежду, но теперь этого было недостаточно. Филби оставался одним из самых близких советников Абдель-Азиза вплоть до смерти короля.

Хотя Филби демонстрировал абсолютную лояльность племени, к которому он теперь принадлежал, он сохранил и преданность своей жене, жившей в Англии. Этот британский экспат регулярно посещал родину, где пытался найти — как правило, тщетно — возможность заняться бизнесом или давал публичные выступления, после которых его стали считать скандалистом и критиком британской внешней политики. Тем не менее все это никак

не отражалось на репутации его единственного сына Кима Филби, делавшего успешную карьеру в британской разведке. Ким Филби сам испортил свою репутацию, когда стал двойным агентом и начал работать на Советский Союз. Младший Филби был коммунистом и симпатизировал Советской России еще с начала 1930-х годов. В какой-то момент он оказался одним из самых высокопоставленных шпионов Сталина. В середине 1950-х, когда у MI-6 появились в отношении него серьезные подозрения, он сбежал в Москву.

После смерти Абдель-Азиза в 1953 году Филби-старший начал открыто критиковать преемника короля — его сына Сауда за то, что новый правитель страны живет не по заветам своего отца. В ответ Сауд выслал Филби в Ливан, где британец воссоединился со своим сыном в 1955 году. Ким Филби жил и работал там журналистом после увольнения из MI-6. В 1960-м, за несколько лет до переезда Кима в Советский Союз, Филби-отец умер в Бейруте. По слухам, его последними словами были: «Господи, как же скучно»¹⁹.

Имея на руках концессию от Саудитов и получив благословение короля, американские нефтяные «маги» вместе с Филби выбрали для начала работ скалистое образование под названием Купол Даммам между холмами, которые Дэвис видел с Бахрейна. Socal потребовалось 18 месяцев на подготовку первого бурения, однако, когда в 1935 году все было готово, оказалось, что разбить скалистую породу невероятно сложно²⁰. Инженеры обратились к старой технологии: они разогревали камень с помощью огня, а затем быстро охлаждали его, поливая сверху холодной водой²¹. Первая скважина позволила получать нефть, но не больше чем примерно 100 баррелей в день. С точки зрения Socal, этого было недостаточно для того, чтобы продолжать работы в 13 000 километрах от головного офиса компании. Тогда нефтяники приступили к бурению второй скважины. Поначалу она обеспечивала чуть более 3000 баррелей в день, однако в какой-то момент вместо нефти из нее пошла вода. В обычных условиях две подобные неудачи не вызвали бы беспокойства, однако с учетом всех затрат, связанных с бурением на другом конце планеты, Socal нужно было найти более эффективное решение.

Тогда приняли решение обратиться к Фреду Дэвису, чьи изначальные изыскательские отчеты и запустили процесс получения аравийской концессии. Вернувшись на Ближний Восток, американец тут же взял под контроль всю работу Socal в Аравии. Дэвис, которого один из коллег по работе в Саудовской Аравии описывал как «не самого теплого и довольно странного

человека», привнес в работу серьезный профессиональный настрой. Местные саудовские чиновники уважали его, хотя сам Дэвис относился к ним ничуть не лучше, чем любой руководитель нефтяной компании того времени. Он называл саудовскую культуру «племенной, патриархальной, исламской и устаревшей» и говорил, что «она не сильно изменилась со времен Пророка»²². Несмотря на присущее Дэвису высокомерие, сослуживцы уважали его. Этот геолог, ставший менеджером, работал с поразительным упорством. Коллеги ценили интеллект и воображение Дэвиса. Они терпимо относились к его частым сменам настроения и нетерпеливости. Под его руководством инженеры Socal пробурили еще четыре скважины, две из которых оказались совершенно сухими. Они задались вопросом: это невезение или же в Саудовской Аравии действительно нет нефти? Руководство Socal начало сомневаться в разумности саудовского предприятия, но предпочло пока не сдаваться, а продолжить поиски: как-никак, но в первых скважинах нашли нефть, да и в соседнем Бахрейне дела все же увенчались пусть и небольшим, но успехом²³.

Компания решила расширить область поиска и отправила в Саудовскую Аравию еще больше инженеров, геодезистов и строительных бригад. Ученые в сопровождении местных гидов и верблюдов проводили в пустыне по нескольку недель, составляя карты и занимаясь поиском признаков нефти. Среди них находился уроженец Монтаны Том Барджер, недавно получивший диплом геолога. До тех пор он работал в Северной Дакоте, Монтане и Арктике, занимая разные должности в горнорудных компаниях. Сразу после того как он вступил в должность инженера в компании Anaconda Copper в Монтане, в стране началась Великая депрессия, и он моментально потерял место. Лишившись постоянного заработка, Барджер в какой-то момент нанялся шахтером и начал трудиться глубоко под землей. Наличие хоть какой-то работы в условиях, когда уровень безработицы в США составлял 14%, радовало Барджера, но он отчаянно хотел выбраться из шахты и занять более солидную позицию. Он был безумно влюблен в Кэтлин Рэй, дочь скотовода из Северной Дакоты, и ему требовалось обеспечить себе стабильный доход, прежде чем он мог хотя бы задуматься о том, чтобы сделать ей предложение.

В отчаянии он написал письмо помощнику главного геолога Socal, с которым непродолжительное время сотрудничал во время поисков нефти в Северной Дакоте. Это было сделано очень вовремя, поскольку Socal как раз планировала отправить в пустыни Аравийского полуострова еще одну команду геологов для разведывательных работ. После короткого собеседования в Сан-Франциско Барджер подписал предусматривавший постоянную зарплату контракт и меньше чем через месяц уехал в Аравию. Перед этим он женился на своей возлюбленной из Северной Дакоты — тайно, поскольку родители жениха возражали против этого брака.

В 1938 году Барджер работал в Аравии под руководством Макса Стейнека, главного геолога в аравийском проекте. Однако основную часть времени он проводил в пустыне с двумя другими геологами, Уолтом Хоугом и Джерри Харрисом. Их сопровождала группа арабов — двое охранников, повар и механик, чинивший джипы, которые постоянно ломались на песчаных холмах²⁴. Условия были по-настоящему экстремальными, особенно в сравнении с более холодным климатом севера США, к которому привык Барджер. Стояла такая жара, что геологи были вынуждены использовать в своих фотоаппаратах специальную пленку Kodak, позволявшую выдерживать температуру около 45 °С²⁵.

В письмах к жене Барджер описывал, как в ходе разведки команда геологов часто наталкивалась на группы бедуинов, которые были явно удивлены действиями американцев, ползавших по пещерам и достававших оттуда различные окаменелости. Как объяснял Барджер, геологи изучали окаменелые останки древних морских организмов в попытках определить возраст скал. Когда новости об увлечении американцев морскими ракушками добрались до Абдель-Азиза, король изрядно удивился. Сильно сомневаясь в том, что американцы смогут найти нефть, Абдель-Азиз пригласил Тома Барджера и его коллег в Эр-Рияд. Встреча началась с традиционной трапезы: подавали баранину на гриле и множество крошечных чашек черного кофе с привкусом кардамона (по словам Барджера, этикет требовал, чтобы гость, желавший продемонстрировать свою вежливость, выпил не меньше трех чашек). После чего король попросил геологов пробурить несколько водяных скважин и проверить качество воды. Абдель-Азиз надеялся, что это безумное предприятие принесет ему хоть какую-то пользу.

Перемещаясь по пустыням, Барджер и другие американские геологи старательно наносили на карту такие места, о которых даже король не знал ровным счетом ничего²⁶. Барджер остро переживал разлуку с молодой женой, проводя в пустыне недели (а иногда и месяцы). «В первую ночь мы разбили лагерь в Айн-аль-Амре на Катарском полуострове, — писал он Кэтлин. — ...здешние дюны полностью лишены какой-либо растительности. Это самое бесплодное место, которое мне только приходилось видеть»²⁷.

В тех местах часто возникали сильные песчаные бури, «но они несут не грязь, а один лишь песок. Они совсем не похожи на грязевые бури в Северной Дакоте», объяснял Том в письме Кэтлин. «Нынешняя буря не прекращается уже три дня». Наступил январь, и хотя «ночью не становится еще холоднее, ветер, продувающий насквозь наше убежище с жестяной крышей, завывает, как метель, и создает ощущение сильного холода»²⁸. Через несколько дней после того, как Барджер вернулся в Дархан и забрал почту, он узнал, что Кэтлин, возможно, беременна. Перспектива стать отцом привела

Тома в восторг, но он боялся реакции своих родителей, не подозревавших, что сын женился перед тем, как отправиться в Саудовскую Аравию. Хотя Барджер «молился о том, чтобы мать и отец узнали Кэтлин и полюбили ее», он хотел быть рядом с ней в тот момент, когда его родители услышат новость. Через несколько недель стало ясно, что Кэтлин не беременна. Позднее за долгие годы брака у них родилось шестеро детей.

К тому времени, когда Барджер прибыл в Саудовскую Аравию, руководство Socal уже довольно сильно нервничало из-за ситуации в этом регионе. Люди в штаб-квартире Socal в Сан-Франциско начали сомневаться в целесообразности всего аравийского проекта²⁹. Несколько лет работы и вложенные десять миллионов долларов не принесли ничего интересного с коммерческой точки зрения. Руководители Socal опасались, что даже если геологи и строители смогут добывать нефть в коммерческих объемах, ее будет некому продать. Саудовская нефть, как и сырая нефть, которую Socal уже добывала на Бахрейне, имела высокое содержание серы. Большинство нефтеперерабатывающих предприятий в Европе, к которым у Socal имелся доступ, не могли перерабатывать такую нефть. Компания уже столкнулась с проблемой при перевозке своей нефти с Бахрейна и предпочла значительно сократить там производство. И если Socal собиралась инвестировать больше ресурсов, времени и рабочей силы в аравийское предприятие, то ей нужно было как минимум знать, сможет ли она продать нефть, которую найдет.

Оказалось, однако, что другая американская компания, Техасо (позднее слившаяся с Chevron), столкнулась с противоположной проблемой. Техасо, владевшая нефтеперерабатывающими предприятиями и рынками сбыта в Африке и Азии, решила заняться переработкой тяжелой высокосернистой сырой нефти, о запасах которой на Ближнем Востоке уже знали. Однако в той части мира ей недоставало источников сырой нефти для загрузки производств. Представители Техасо боялись, что без постоянного снабжения сырой нефтью компания потеряет и рынки сбыта, и значительную прибыль, которую они ожидали получить в результате деятельности в этих регионах. В таких условиях создание партнерства для добычи нефти в Восточном полушарии казалось совершенно очевидным. Две компании объединили усилия, и Техасо получила долю в аравийском геологоразведочном предприятии Socal, которое тогда называлось California-Arabian Standard Oil Company (Casoc).

Американцы начали бурить свою седьмую нефтяную скважину в Аравии в 1936 году. Бурение пришлось отложить в самом начале, когда стенки шахты сложились и замуровали вход. Затем произошла существенная задержка с поставкой труб. К январю 1938 года глубина скважины достигла около 1400 метров, однако в ней не появилось ни капли нефти. По словам Барджера, у компании возникли «чертовские сложности» со скважиной³⁰.

Пока Барджер, Стейнек и их коллеги искали другие месторождения в концессионной области, руководство Casoc приняло окончательное решение. Компания сокращала свои расходы в Саудовской Аравии. Сан-Франциско отправил телеграмму группе в Аравии с четким указанием не бурить никаких новых скважин³¹. После почти пяти лет безуспешной работы американцы наконец были готовы признать то, что британцы говорили себе уже многие годы: в Саудовской Аравии не было коммерчески перспективных месторождений нефти.

В марте 1938 года американцы все же решили углубить скважину №7. Еще 60 метров вглубь — и, о чудо, они нашли нефть! Внезапно скважина начала давать 1585 баррелей нефти в день, а через трое суток — почти 4000 баррелей в день³². К середине марта нефть все еще текла, и руководители в Сан-Франциско вновь обратили помыслы к Даммаму. Скважина №7 привела к открытию огромного нефтяного месторождения, заходившего глубоко в Персидский залив. После того как компания расширила зону концессии до миллиона с лишним квадратных километров, в юго-западном углу аравийских пустынь было открыто еще одно крупное месторождение.

Годом позже король Абдель-Азиз со своим двором собрались в Дахране, маленьком сонном городке скотоводов около Даммама, в котором компания Casoc решила устроить свою саудовскую штаб-квартиру. Первого мая 1939 года в присутствии семьи, советников и руководителей Casoc Абдель-Азиз открыл первый кран в нефтяной отрасли Саудовской Аравии³³. После этой церемонии сырая нефть потекла по трубопроводу, оперативно выстроенному сотрудниками Casoc между скважиной №7 и портом Рас-Таннура в Персидском заливе, где уже ждал танкер, готовый доставлять саудовскую нефть на мировой рынок³⁴.

К 1940 году Casoc производила около 20 000 баррелей нефти в день, и компания начала строить в Дахране дома и офисы. Шла Вторая мировая война, и спрос на нефть вырос по сравнению с минимальными уровнями эры депрессии, вследствие чего выросли и доходы компании. Война повысила глобальный спрос на нефть, однако она же сделала транспортировку нефти более сложным и опасным делом, поскольку и союзники, и страны Оси стремились уничтожить танкеры и нефтеперерабатывающие предприятия противника. Персидский залив отделяло от линии фронта в Северной Африке более чем 1500 километров, и американцы думали, что их объектам в Саудовской Аравии ничего не угрожает.

Однако иллюзия безопасности рассеялась во время одной смелой попытки итальянских бомбардировщиков в октябре 1940 года. Соединенные Штаты еще не вступили в войну, поэтому целью Италии был крошечный островок Бахрейн, находившийся тогда под британским протекторатом. Муссолини, стремившийся к быстрой и эффективной победе, одобрил план,

по которому бомбардировщики из Греции должны были перелететь через весь Ближний Восток к Персидскому заливу и разбомбить нефтеперерабатывающее предприятие на Бахрейне. Тем самым он надеялся отрезать флот Великобритании от источника горючего. План был очень рискованным. Эскадрилья предстояло заправиться топливом в количестве, достаточном для того, чтобы покрыть расстояние 4500 километров; пролететь над неизведанными пустынями Сирии; и избежать встречи с британскими разведывательными самолетами над Ираком. После бомбардировки нефтеперерабатывающего предприятия самолеты должны были пролететь над пустынями Аравийского полуострова и Красным морем, а затем приземлиться в нынешней Эритрее (которая тогда называлась Абиссиния и являлась частью территории, захваченной Муссолини в ходе войны Италии с эфиопским королем Хайле Селассие).

Трясаясь от перегрузки топливом, самолеты взлетели на рассвете в районе Средиземного моря. В случае успеха итальянские летчики установили бы рекорд дальности полета для бомбардировщиков (рейд Дулиттла, доказавший, что американцы способны ударить по Токио с самолетов, произойдет через полтора года). При негативном сценарии пилоты в лучшем случае могли бы оказаться пленниками аравийских пустынь вследствие вынужденной посадки из-за нехватки горючего. У итальянцев имелся грузовой самолет с запасами топлива, ждавший у берегов Красного моря, однако было маловероятно, что он сможет найти приземлившиеся в аравийской пустыне машины, успешно сесть и затем взлететь. Все вовлеченные в операцию знали, что шансы на спасение невелики.

Благодаря толике везения и попутному ветру экипажи бомбардировщиков смогли пролететь над Ираком и увидеть перед собой Кувейт. Прошло всего девять часов, и лишь один самолет отделился от эскадрильи над Дамаском. Самолеты снизились с высоты 2500 метров до 900, а затем сбросили бомбы, которые должны были поразить нефтеперерабатывающее предприятие на Бахрейне.

Утреннее небо ярко осветилось взрывом более чем 200 бомб. Бомбардировке подвергся и аравийский город Дахран, в котором находилась штаб-квартира Casoc, в 45 километрах к западу от Бахрейна. Потерявшийся самолет смог догнать своих, однако по ошибке сбросил бомбы над Дахраном вместо Бахрейна. Четыре самолета перегруппировались и тут же направились в сторону Эритреи. Им надо было успеть совершить посадку, прежде чем закончится топливо. Они смогли достичь Красного моря и приземлиться в 320 километрах от береговой линии в Африке, однако это произошло в последние минуты. После полета, занявшего 15 с половиной часов, в баках каждого самолета оставалось меньше 40 галлонов топлива.

Однако успех оказался мнимым. Несмотря на мощные взрывы, бомбы практически не затронули ни нефтеперерабатывающего предприятия Бахрейна, ни каких-либо других важных объектов в соседнем Дахране. Одна бомба ударилась о гору угля на острове, вызвав весьма живописный взрыв, но почти не нанеся ущерба настоящей цели. Другой бомбе удалось поразить нефтепровод, однако остальные просто упали в песок. Миссия потерпела неудачу, поскольку у пилотов были инструкции использовать в качестве ориентиров оранжевые факелы природного газа, которые, как предполагалось, указывают расположение нефтеперерабатывающего предприятия и промышленных объектов. Высокие трубы с факелами газа использовались нефтеперерабатывающими предприятиями для сжигания горючих газов, выходящих из предохранительных клапанов в процессе нефтепереработки, и в местах добычи нефти для снижения объемов сырого природного газа, сопровождающего выход потока нефти из земли. Позднее инженеры-нефтяники начали использовать природный газ как источник энергии, однако в 1940-е годы сжигание газа в факелах было широко распространено.

К счастью для американцев, незадолго до бомбардировки газовые факелы были перемещены подальше от нефтеперерабатывающего комплекса, и поэтому итальянцы не попали ни в него, ни в нефтяные скважины. Ущерб на Бахрейне и в Дахране был минимальным, и поток нефти почти не остановился. Единственное, чего удалось добиться итальянским бомбардировщикам, — это совершить рекордный по расстоянию перелет без дозаправки, хотя в то время журнал *Time* ошибочно сообщил, что самолеты дозаправились с помощью подводных танкеров, так что даже это достижение осталось без внимания³⁵. А через два года США создали самолет B-29 Superfortress, способный перевозить гораздо больший груз и быстро побивший итальянский рекорд дальности полета без дозаправки.

Хотя рейд привел лишь к минимальным разрушениям, *Socal* и *Texasco* решили эвакуировать из Саудовской Аравии почти весь американский персонал и практически полностью прекратили производство нефти на время войны. Так или иначе, моря контролировались серьезными силами соперников, которые могли бы потопить любое судно союзников. Американцы заморозили все свои планы в отношении Саудовской Аравии на неопределенный срок и оставили в Дахране лишь несколько человек для поддержки оборудования в рабочем состоянии, а также для передачи на перерабатывающие предприятия Бахрейна тех незначительных объемов сырой нефти, которые удавалось добывать во время войны³⁶.

Как только война закончилась, родительские компании *Casoc*, *Socal* и *Texasco* решили запустить производство заново и вернуться к тому этапу аравийского проекта, на котором они остановились. Спрос на нефть оставался

высоким, и ожидался его дальнейший рост в связи с тем, что Западная Европа принялась восстанавливать свои разрушенные города. Однако многим американским нефтяным компаниям, возникшим до Второй мировой войны, не хватало капитала. Война требовала от них быстрой мобилизации для поставки армиям союзников как можно большего количества нефти, нефтехимикатов и высокооктанового бензина, однако когда закончилась война, иссяк и стабильный поток правительственных средств.

В частности, Casoc для возобновления деятельности в Саудовской Аравии было нужно больше ресурсов, чем имелось у материнских компаний. Поначалу Socal и Техасо пытались продать всю аравийскую компанию государственному предприятию США под названием Petroleum Reserve Corporation. Потерпев неудачу, они обратились к двум другим крупным американским компаниям, Standard Oil of New Jersey (теперь ExxonMobil) и Standard Oil of New York (Socony, которая впоследствии также стала частью ExxonMobil), решившим вложиться в аравийский проект. Четыре компании переименовали Casoc в Arabian American Oil Company (Aramco).

Спрос на нефть быстро рос в процессе экономического восстановления Западной Европы, а американское военное присутствие по всему миру требовало постоянного наличия нефтепродуктов. Aramco за короткий срок нарастила производство нефти в Саудовской Аравии более чем до 200 000 баррелей в день в 1947 году. Американские плотники, операторы оборудования, бурильщики, техники и менеджеры устремились в Персидский залив, а Aramco начала строить огромные трубопроводы и глубоководные порты для перевозки растущего количества нефти. Вскоре саудовскими нефтепродуктами начали наполнять бензобаки новых автомобилей в Европе и американских военных самолетов, летевших в Корею.

В конце 1947 года — тогда же, когда бизнес Aramco набирал обороты, а саудовская нефть стала важным фактором для американской политики в Западной Европе и Азии, — деятельности компании начали угрожать геополитические потрясения на Ближнем Востоке. США приняли активное участие в разделе Палестины, который затем, в 1948 году, обусловил появление государства Израиль. Госдепартамент боялся, что американская поддержка еврейского государства помешает нефтяному бизнесу Aramco в Саудовской Аравии, поскольку король Абдель-Азиз поддерживал арабов. К удивлению некоторых сотрудников Госдепартамента, Абдель-Азиз заверил американцев в том, что не позволит этому конфликту навредить отношениям с Aramco и производству нефти. Король сообщил американцам, что он подвергается давлению со стороны своих арабских соседей, желавших, чтобы он порвал с американцами в условиях региональной напряженности. Абдель-Азиз даже опасался возможного вторжения, поскольку не намеревался прекращать отношений

с США. Он попросил Государственный департамент США о помощи в защите границ страны. Король Абдель-Азиз, получавший к тому времени около 15 миллионов долларов дохода от контракта с Agamco, не хотел жертвовать своими крепнувшими и многообещающими деловыми отношениями ради региональной политики³⁷. В то время Абдель-Азиз явным образом стремился к «более тесным военным и экономическим связям с США»³⁸.

Госдепартаменту не приходилось особенно волноваться из-за отношения саудовского правителя к американской поддержке евреев в Палестине. В 1946 году Абдель-Азиз отправил президенту США Трумэну письмо, в котором выразил беспокойство в связи с поддержкой Америкой иммиграции 100 000 евреев в Палестину, — король считал, что этот процесс выйдет за пределы Палестины и затронет другие части Ближнего Востока. По словам посла США, Абдель-Азиз утверждал, что «арабы не будут возражать против создания еврейского анклава на средиземноморском побережье Палестины. Более всего арабы боятся того, что после появления еврейского государства на большей части Палестины, ничто уже не будет сдерживать их усилия, направленные на расширение жизненного пространства»³⁹. Таким образом, Абдель-Азиз не был против создания еврейского государства в Палестине. Скорее, он опасался того, что, если такое государство утвердится на большей части Палестины оно со временем расширится за границы мандатной территории Великобритании и займет другие области Ближнего Востока.

Вывод саудовской нефти на глобальный рынок был непростым делом. К моменту начала переговоров американцев с королем Абдель-Азизом тогдашние специалисты по ближневосточной нефти уже списали Саудовскую Аравию со счетов. Американской компании в Саудовской Аравии лишь чудом удалось спасти проект от окончательного закрытия, запланированного сан-францисским руководством. Вторая мировая война практически остановила всю деятельность. От американских компаний потребовалось немало упорства и дальновидности, чтобы продолжать инвестировать в проект, инициированный на другой стороне земного шара в архаичной стране с суровым рельефом и изнурительными погодными условиями. Тем не менее американцы поставляли сталь, оборудование и прочие продукты через весь мир, постоянно отправляли в Аравию талантливых людей и привносили в страну новые технологии, которые помогали преодолевать возникавшие препятствия. Они сформировали и реформировали свою корпоративную структуру для обеспечения проекта капиталом и умело работали в рамках жесткой фундаменталистской культуры саудовцев.

Пока американцы жаловались на устаревшие элементы саудовской экономики и сосредоточенно пытались изменить ее, Сулейман и другие представители королевской администрации занялись созданием сильного нефтяного

бизнеса и сильной страны. Возможно, саудовцы не сделали достаточно для того, чтобы избавить американцев от ошибочного представления о самих саудовцах как пассивных игроках. А возможно, сами саудовцы считали, что это заблуждение играет им на руку.

В то время когда американцы выкачивали из земли «Божий подарок» Абдель-Азизу, сам король начал осознавать, что он в состоянии предоставить своим людям новые блага. Сулейман уже не мог хранить всю королевскую казну под своей кроватью, а кроме того, этот метод не вполне подходил для тех преобразований, которые задумал Абдель-Азиз. Он уже видел то, что создали американцы в Дахране для своей компании: огромные жилищные комплексы для работников месторождений, офисные здания и дома для руководителей компании и геологов, аэропорт, больницу и электростанцию, снабжавшую электричеством эти сооружения. Теперь, когда у него появились деньги, он хотел всего этого — и многого другого — для своих жен, сыновей и внуков. Он хотел выстроить дворец с толстыми стенами, с водопроводом и канализацией и с электрическим освещением. Он хотел увидеть в своем городе больницу, школу и большую мечеть.

Абдель-Азиз сражался, завоевал и объединил Аравию, имея в качестве основной технологии обычные ружья. Но пересечь Аравию на машине в 1940-е годы было почти невозможно, поскольку стране недоставало мощных дорог. Он знал, что в этом кроется проблема. Когда в сокровищнице короля появилось много денег, ему захотелось их тратить — обеспечить роскошными атрибутами современности самого себя, своих сыновей и свою страну. И очень кстати на его пороге оказалась американская компания, желавшая выстроить все то, чего король желал для Саудовской Аравии.